

Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 1. С. 92–98. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 1, pp. 92–98. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821(477).09"20"

EDN VUXFZQ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-1-92-98>

РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ Ю.М. КУБЛАНОВСКОГО

Разумовская Аида Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор, Псковский государственный университет, Псков, Россия. razumov.ag@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7289-0629>

Шумаркина Дарья Игоревна, Псковский государственный университет, Псков, Россия, dasha.shumarkina@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается система флорообразов в лирике Ю.М. Кублановского, их семантика, символика, функциональность, факторы, формирующие его флорокод. Предпринимается попытка через анализ флористических образов выявить особенности национального образа мира, отраженного в лирике. Показано, что национальный пейзаж в творчестве Ю.М. Кублановского предстает лишенным идеализации, а растения, сохраняя свое референтное значение (конкретность), одновременно являются знаками лирических состояний. Автор наделяет флорообразы традиционными для русской поэзии символическими смыслами и новыми, индивидуально-авторскими значениями. Поэт зачастую использует не ботанические, а народные названия растений, тем самым обогащая их символику новыми ассоциациями. Флорообразы раскрывают религиозно-философский поиск автора и исповедальность его лирических признаний. Сохранение памяти о библейском, историческом или личном прошлом становится способом самоопределения и отношения к миру.

Ключевые слова: Ю.М. Кублановский, русская поэзия, флорообраз, символика, религиозно-философский поиск, лирическое чувство, национальный флорокод.

Для цитирования: Разумовская А.Г., Шумаркина Д.И. Растительный мир в поэтической рефлексии Ю.М. Кублановского // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 1. С. 92–98. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-1-92-98>

Благодарности. Исследование выполнено в рамках реализации гранта ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет» по мероприятию «Выполнение прикладных научных и научно-методических исследований (проектов) молодыми учеными по приоритетным направлениям Программы развития университета на 2025–2036 годы» (приказ № 0905-001 от 05.09.2025).

Research Article

PLANT WORLD IN THE POETIC REFLECTION OF YURI KUBLANOVSKY

Aida G. Razumovskaya, DSC in Philology, Professor of the Department of Philology, Pskov State University, Pskov, Russia, razumov.ag@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7289-0629>

Darya I. Shumarkina, Pskov State University, Pskov, Russia, dasha.shumarkina@gmail.com

Abstract. This article examines the system of floral images in the lyric poetry of Yuri Kublanovsky, their semantics, symbolism, functionality, and the factors shaping his floral code. Through an analysis of floral images, an attempt is made to identify the characteristics of the national image of the world reflected in his poetry. It is shown that the national landscape in the work of Yuri Kublanovsky is presented devoid of idealization with plants, while they retain their referential meaning (concreteness), simultaneously serving as signs of lyrical states. The poet imbues floral images with symbolic meanings traditional to Russian poetry and new, individual meanings. He also frequently uses popular, rather than botanical, plant names, thereby enriching their symbolism with new associations. Flora images reveal the poet's religious and philosophical quest and the confessional nature of his lyrical confessions. Preserving the memory of the biblical, historical, or personal past becomes a means of self-definition and relationship to the world.

Keywords: Yuri Kublanovsky, Russian poetry, floral image, symbolism, religious-philosophical quest, lyrical feeling, national floral code.

For citation: Razumovskaya A.G., Shumarkina D.I. Plant world in the poetic reflection of Yuri Kublanovsky. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 1, pp. 92–98. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-1-92-98>

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of the implementation of a grant from Pskov State University for the event “Implementation of applied scientific and scientific-methodological research (projects) by young scientists in the priority areas of the University Development Programme for 2025–2036” (no. 0905-001 as of 09.05.2025).

Растения на протяжении веков являются богатейшим источником образности в художественном тексте [Веселовский; Гольский]. Их символика в литературе интенсивно изучается учеными нашего времени [Шарафадина 2003 и 2018; Горбовская 2017 и 2021; Кушлина; Полилова; Разумовская 2005 и 2023 и др.]. Между тем выявление и системное изучение растительной парадигмы в современной русской литературе (в частности, поэзии) не являлось до сих пор предметом пристального внимания литературоведов. Обращение к флоросимволике одного из крупных поэтов нашего времени – Ю.М. Кублановского – придает актуальность настоящей работе, поскольку позволяет уяснить своеобразие его художественного мира и одновременно на его примере обозначить специфику национального растительного кода в современной поэзии. Юрий Михайлович Кублановский (род. в 1947 г.) – безусловно, признанный поэт своего времени, в семидесятых состоявший в поэтическом объединении СМОГ, печатавшийся в самиздате и за рубежом, вынужденно эмигрировавший в 1982 г. и вернувшийся одним из первых на Родину в 1990-м. Обладатель многих престижных российских литературных наград, он обогатил русскую поэзию середины XX – начала XXI в.: поэзия Кублановского представляет собой уникальное сочетание традиционных образов и новых смыслов, позволяющих глубже понять устойчивость и динамику ценностных ориентиров в современном обществе.

Уже первое знакомство с лирикой Кублановского в призме заявленной проблематики дает представление о богатстве и многообразии его растительного мира: поэт называет деревья (клен, береза, липа, сосна, ель), кусты (боярышник, шиповник, черемуха, рябина, дрок), лесную (мох, вереск, черника, морошка), полевую (ковыль, татарник/репей, мак, василек, клевер, ромашка, незабудка), озерно-речную растительность (ракита/ива/ветла, верба, кувшинка, курслеп/лютик едкий, купава/купальница, осока, болотная трава). Обилие непрехотливых цветов и трав в соседстве с хвойными и лиственными деревьями раскрывает предпочтение автором дикорастущей растительности. Значительно реже в его творчестве представлена садовая флора (яблоня, вишня, слива, левкой, георгин, астра, флокс) и практически отсутствуют традиционные книжно-поэтические роза, лилия, фиалка. Часто встречаются собирательные образы растений: лес, бор (сосновый лес), роща, сад.

Древесные растения могут метонимически изображаться в образе ветвей, обозначая годовой жизненный цикл, подчеркивая смену времен: «Майская

ветка вьюжит, / словно опять зима» (весна) [Кублановский 2024: 62]; «...и зелено в ветвях / улицы, словно в роще...» (лето) [Кублановский 2024: 88]; «Красную ветвь одну / ветер раздул во мгле, / словно огонь в золе» (осень) [Кублановский 2024: 14]; «окрест индевеют ветви, / становясь мохнатее ближе к ночи» (зима) [Кублановский, 2024: 308]. Ветви в стихотворениях могут выступать и как объекты действия, и как субъекты, которые зачастую олицетворяются.

Другим метонимическим образом дерева или куста является образ листвы (реже – хвои). Она придает картинам яркую визуальность, часто появляясь в контексте пейзажных зарисовок: «Ртутно блещет сырая листва» [Кублановский 2024: 8], «и листьев дышащий хаос» [Кублановский 2024: 94], «С веток лист сыпается, шепча» [Кублановский 2020: 68]. Чаще всего листва соотносится со стихией жизни. Как и многие другие поэты, Кублановский с помощью этого образа характеризует красоту осени: «Завороженно с дубовых крон / рушится ржавый лист» [Кублановский 2024: 71], «Свежей листвы апельсиновые корки / вновь завалили скамьи и заборы» [Кублановский 2024: 168]. Однако листва беззащитна перед властью осеннего ветра: «и ветер, в октябре сжигающий листья...» [Кублановский 2024: 78], «Ветер гонит вдаль вдоль земли листву / в холода, противные естеству» [Кублановский 2024: 281], «Подчистую сдули листву ветра, / забурев, на землю она упала» [Кублановский 2024: 295], «закононый ветер, / в темных листьях набирающий силу» [Кублановский 2024: 308]. Ветер символизирует жизненные невзгоды, от которых может укрыть только любящий человек: «Когда ты стриженной головой / клонилась мне на плечо порой, / листву ветра за окном трепали» [Кублановский 2024: 328]. Листва может выступать и метафорой массовости, толпы: «Но не забудем, как / ветру с охрипшей глоткой / вторил сушняк листвы» [Кублановский 2024: 177]. И себя лирический субъект Кублановского соотносит с листвой: «я лишь сезонный дым / над кучей листьев палых», «Верней, сегодня я / не просто нота лада, / а часть небытия, / костра и листопада» [Кублановский 2024: 250–251], «Неужто оставит меня на потом / Державная воля Мессии – / Под прелой грибницей, прогорклым листом / В полосице средней России?» [Кублановский 2020: 85].

В русле традиции, восходящей к поэтике фольклора, деревья предстают двойниками лирического субъекта. Его молодость (с предчувствием бед и неизбежного старения) олицетворяют «городские деревья

в туманце зеленом / за воздушною ямой окна» [Кублановский 2024: 39]. Использование параллелизма обнажает в образе почерневшего дерева страдания человека от утраты любви:

... Точно издыхающий дракон,
дерево чернеет. Воронье
налетает и со всех сторон
(как любил я слабое... твое...)
– плоть его терзает и клюет.

[Кублановский 2024: 73]

Негативный образ советской столицы («Мекки красных») оттеняют «деревья в виде обрубка» [Кублановский 2024: 166].

Поэзия Кублановского содержит своего рода «каталог» зримых и очеловеченных растительных образов: «к деревцу щавеля лютик приник» [Кублановский 2020: 102], «на шиповника сливочной коже» [Кублановский 2020: 154]. Его поэтическая речь отличается изобразительностью растительных сравнений: «Береста в лишае голубом, / Словно только что вышла от прачки...» [Кублановский 2020: 153] и метафор: «Поздней сирени античные слепки / Волнообразны на фоне сурепки» [Кублановский 2020: 155], «В репейчатый узор решеток / Цветная вправлена слюда» [Кублановский 2020: 76]. Все это раскрывает богатство образных возможностей в мире флоры, притягательное для поэтического мышления.

Применение статистического подхода к анализу растений в лирике Кублановского (упоминание 5 и более раз) позволяет сократить их широкий диапазон до 6 названий, которые в порядке убывания располагаются так: ракета (ива, ветла), сосна (или ель), клен, рябина, шиповник, береза. Среди них безусловным лидером является образ ракеты. Этот дендроним, устойчиво связанный в культуре с грустью, тоской, расставанием, осложняется у нашего современника ассоциациями с Родиной, поэтическим творчеством, а также со старостью, смертью, небытием [Шумаркина: 95].

Обратимся к семантике других любимых растений Кублановского. Особое чувство России как суровой северной земли создают образы хвойных деревьев – сосны и ели. Сосновый лес может ассоциироваться с чем-то исконным, древним. Так, отсылка к Пскову, его героике, вольномыслию подчеркивается образом бора: «Бор славен кронами кипучими» [Кублановский, 2024: 304]. Но бор выступает также метафорой прошлого – не исторического, а личного («Тот отшумевший бор / все баснословнее. / Стали и мы с тех пор / Суше, бескровнее» [Кублановский 2024: 165]). Раскачиваемые ветром деревья уподобляются людям: «А какие сосны, какие ели, / да на разных уровнях вразной, / объяснялись лапами, как хотели / и о чем хотели между собой!» [Кублановский 2024: 216]. В древесном образе лирический

субъект ощущает родственное понимание, поддержку: «Я один в своей конуре, и мне / машет ель седым помелом в окне» [Кублановский 2024: 208].

Другая, погребальная, символика хвойных растений коррелирует с традицией: сосна и ель – надгробные, потусторонние деревья [Эпштейн: 86]. Зелень сосен у поэта связана с кончиной, надгробием, крестом [Кублановский 2024: 37, 42, 66]: «Чего у жизни не отнимешь, / так это на погосте меж / завороченных сосен финиш, / бивак, рубеж» [Кублановский 2024: 254].

Кладбищенскую семантику имеет и кленовый листопад: автор упоминает «погост с кленами» [Кублановский 2024: 69], «клёны старого погоста» [Кублановский 2024: 87], «Или пышной осенью – клёнов догорающих / Вороха высокие» [Кублановский 2020: 174]. С другой стороны, клен традиционно символизирует красоту: «От лап раскаленного клена во мраке / червоннее Русь» [Кублановский 2024: 159], «Клены в росе / в пятнах огня – / желтые все» [Кублановский 2024: 230], но красоту недолговечную: «Озолотясь, обрадовал / клен, а теперь как быть – / столько листвы напало, / некуда и ступить» [Кублановский 2024: 245].

Этот флорообраз несет в себе динамику, ощущение жеста (ранее свойственное образу клена у С. Есенина), потому предстает в лирике Кублановского динамичным – трепещущим, хлещущим, качающимся: «Златоверхий у жилья / в шумной клен раскачке» [Кублановский 2024: 181], «Там ветер на глазах у нас / растрчивал в верхах кленовых / немалый золотой запас / в Нескучном и на Воробьевых» [Кублановский 2024: 183], «Наметало кленовых стожков / с веток, свищущих, как с кнутовища» [Кублановский 2024: 68]. Зубчатая форма кленового листа ассоциируется с рыбой, раком, сравнивается с гребешками и лапами: «Алый панцирь кленовой клешни, как холстину, топорщит окно» [Кублановский 2024: 65], «Красно-зеленый кленовый плавник / поутру выплыл в тумане» [Кублановский 2024: 64], «В глянцевице земля листопаде / от кленовых красна гребешков» [Кублановский 2024: 65]. Как правило, у предшественников кленовые листья сравнивались с сердцем, с сердечной пронизанностью, с целомудрием [Эпштейн: 52].

Один из устойчивых национальных дендросимволов – рябина – в поэтической традиции символизирует горечь и пылание, надломленность и зажигательность, озорство [Эпштейн: 66]. В лирику Кублановского рябина привносит, пожалуй, лишь яркость краски: «В густоморской листве / густо красна рябина / самых простых кровей» [Кублановский 2024: 63]; «ярчают, скрашивая дни нам, / гребни роц окрестных; на поклев / к начинающим буреть рябинам / прилетело много воробьев...» [Кублановский 2024: 252].

Шиповник у Кублановского, как и других поэтов, – символ человеческих чувств, страстей, любви: «В алом, готовом осыпаться вскорости / с веток на влажную жесь, / что-то от энной безрадостной повести / честного Чехова есть» [Кублановский 2024: 142]; «Там на пространствах с ненадолго / вкрапленным / в волглую толщу огнем / ты прикоснулась холодным / расслабленным / ртом к моему под дождем» [Кублановский 2024: 142]; «...Волглая изморось светится на / дугах шиповника, / словно в тумане поставлена / верша садовника. / И подвывает лишь тишина / ржавым петлям дверным. / О невидимка! Русским славна / гонором жертвенным» [Кублановский 2024: 143]. Куст шиповника в трехчастном цикле 1989 года, полном аллюзий на чеховские произведения, похож на снасть, таким образом символизируя несбывшуюся любовь, ограниченную внешними обстоятельствами. В стихотворении 1994 года шиповник соотносится с влюбленным, рыцарственно оберегающим покой любимой: «Шиповнику белому надо / держаться притом на плаву. / И катятся гранулы града / по кровельной жести в траву. // Надежна его баррикада / по сада периметру – и / шиповнику белому надо / заглядывать в сенцы твои» [Кублановский 2024: 178].

Береза считается символом России [Эпштейн: 57–62], но и ее образ, несмотря на частоту упоминаний, не предстает у Кублановского в богатстве образных оттенков, которые обычно встречаются в поэзии: он не использует цветовую возможность (белизна, крапчатость) и практически не обращается к разнообразию тональностей (горечь, страдание – ликование, веселье – светлая грусть) – дерево в его художественном мире предстает никнущим и похожим на иву: «Безвольные ветви плакучих берез» [Кублановский 2020: 100]. Очеловечивая березу, он показывает ее охваченность холодом, скованность или дрожь, трепет дерева: «мимо продрогших берез» [Кублановский 2024: 142]; боль и одиночество: «почто в неприступную хвою / березы лоза вживлена, / горящая тихо, продольно; / а вдруг в приозерном логу / ей – больно / и холодно на берегу» [Кублановский 2024: 148]. Обилие листвы автор называет «зеленое руно берез» [Кублановский 2024: 114]. Олицетворяя вечность, березы своим спокойствием и отрешенностью напоминают свитки: «лишь берез серебряные руна / неподвижны / вдоль шоссеинных лент» [Кублановский 2024: 275]. Дерево у поэта лишено праздничности, но притягательно ощутимой «зиздушей силой» чудотворца: «Потому надвратная икона / оживает в утреннем луче, / и берез ветшающая крона / на закатной выткана парче» [Кублановский 2024: 54]; «Береза у дупла, что медная верига, / Покрыта папиной» [Кублановский 2020: 110]. Она встречается как в стихотворениях, посвященных Соловкам, так и в стихотворениях о неудавшейся любви, где окру-

жающая обстановка намекает на несостоятельность отношений («И мы с тобою невзначай / все длим чужие пытки» [Кублановский 2020: 110]). Таким образом, береза у Кублановского овевана страдальческим ореолом.

Очевидно, что, следуя проложенным предшественниками традициям, Кублановский все же избирателен в своих растительных предпочтениях. В его художественном мире маркированными являются те растения, наименования которых вынесены в заглавия стихотворений: ракита, черемуха, татарник, ковыль и ландыш. Какой семантикой наделены эти скромные обитатели среднерусских и северных пространств, зачастую диких, не освоенных человеком?

Черемуха выступает у поэта своеобразной метой Родины, являя пример совершенного союза со своей почвой:

Черёмуха нашу выбрала
землю – из глубока,
не поперхнувшись, выпила
птичьего молока,
горького и душистого,
влитого в толщу истова
вечного ледника.

[Кублановский 2024: 202]

Черемуха впитала в себя горечь и прелесть, суровость и одухотворенность русской земли, материнское лоно которой холодно и равнодушно («вечный ледник»). Белизна цветущей черемухи сравнивается с «птичьим молоком», чья нежная консистенция, с одной стороны, контрастна льду, а с другой – источает горьковатое благоухание. Вместе с образом «сестер-сосен» черемуха высвечивает безысходность русской судьбы, страдальческую, но стоическую русскую долю, духовной поддержкой в которой является православная вера.

Другой важный флорообраз Кублановского – татарник (народное название группы растений с колючими листьями). Вообще растительный мир поэта изобилует «колючими» представителями: «Шероховатых лопухов / Качались алые колючки» [Кублановский 2020: 104], «чащам дрока ограда тесна, / и душист их костер ледяной» [Кублановский 2024: 111], «рукастый репей, / сей дозорный бескрайних / отложившихся волн и степей» [Кублановский 2024: 171]. С одной стороны, они подчеркивают первородную естественность и буйную силу бурьяна. С другой – растения с колючими и цепкими плодами (соцветиями) имеют в искусстве библейские корни и служат эмблемой мученичества [Тресиддер: 264]. Оба значения татарник обретает в одноименном стихотворении поэта.

«Татарник розов и лилов / у соловецких валунов, / покрытых пышной ржавью...» [Кублановский 2024: 53] – примета северного нерукотворного пейзажа и одновременно свидетель появления первого от-

шельника на берегу Белого моря – Савватия Соловецкого. Колючки татарника символизируют предстоящие преподобному испытания плоти и духа:

Поведай, как пристал челнок,
как сделал шаг Савватий,
когда татарник, как щенок,
цеплялся за гиматий.

[Кублановский 2020: 151]

Принадлежа местности, «где морок спутан с явью», татарник помнит не только о средневековом святом, но и о мучениках XX столетия. Во имя памяти о них и православной веры лирический субъект готов к жертве, к собственным терниям («Татарник, плоть мою возьми»), «когда встает за тенью тень / из соловецкой тверди» [Кублановский 2020: 151].

Образ ковыля соотносится с потусторонним миром. Умершая собака представляется бегущей «элизийской степью / по белесоватому разнотравью, / холки ковылей приминая» [Кублановский 2024: 324]. Символика ковыля вмещает в себя и пространственный, и временной (точнее – вневременной) смысл, что особенно выявляет стихотворение «Куликовские ковыли» (2022):

Над седым серебром куликовского ковыля,
лоснящегося по склонам,
волнами уходящего к горизонту,
птичьи спевки.

Картина бескрайних русских просторов вызывает в памяти блоковские «необъятные» дали, «путь, открытый взорам», а ковыль – ассоциацию с «отшумевшей схваткой православных с ордынцами» на Куликовом поле. И одновременно образ ковыля уводит в пространство вечности, где «идут незримые брани», «Скопления и разрывы, / и – темноты разливы» [Кублановский 2023: 18]. В результате ковыль является символом вечного и неизменного бытия, в котором делятся «вековая тоска» и «вечный бой»:

И не праздный возникает вопрос:
каким в итоге будет пространство,
кто засеет его мирами,
заколося ли там луга ковылями?
Где-то в другой вселенной,
новой, хотя и брэнной,
выстирают рубахи
ратники и монахи.

Таким образом, ковыль (как и татарник) прочитывается поэтом в историософско-религиозном ключе.

Укорененность Кублановского в православной культуре находит отражение в самобытной интерпретации образа ландыша. В одноименном стихотворении цветок уподобляется Лазарю, как лес – храму, чащоба – вратам, ель – притвору:

Блеснула смола сквозь прогорклую хвою,
и снова не видно ее,
как будто свечу поднесли к аналою
и дунули на острие.

Но чудится – стало от ладана слаще,
чащоба подобна вратам,
и там в стихаре уловато-блестящем
есть кто-то невидимый нам.

Поэт работает с возможной этимологией названия растения – «ландыш» произошло от «ладан», и названо оно по сильному запаху цветов.

В потемках притвора под сводчатой елью,
с евангельской лилией слит,
брат-ландыш своею зеленой постелью
прикрывшись, как Лазарь, стоит.
Недаром, знать, мытарей грешных и косных
господь милосердно привлек –
чтоб каждый под грузом бубенчиков росных
смирненно клонил стебелек.

[Кублановский 2020: 317]

Хотя в русской литературе ландыш связан с робостью и трепетностью [Шохина: 4], флоросимвол у Кублановского восходит к европейской семантике: названный К. Линнеем лилией долин, цветущей в мае, он соотносится со слезами Мадонны, с восхождением на небо [Бугаев: 136–137]. Так поэт дополняет традиционные символические значения образа индивидуально-авторскими, религиозными.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что Ю.М. Кублановский с помощью развернутой системы флорообразов создает в своей лирике национальный пейзаж, лишенный идеализации, но отражающий богатство природного мира России, ее флорокод. Вместе с тем растения, сохраняя свою конкретность, одновременно являются знаками лирических переживаний, воспоминаний, размышлений – о любви, расставании, старении, уходе в инобытие. Автор использует традиционные для русской поэзии значения флорообразов, но и наделяет их новыми, индивидуально-авторскими символическими смыслами. Растительные образы раскрывают неустанный религиозно-философский поиск поэта. Сохранение памяти о прошлом (библейском, историческом или личном) становится способом самоопределения и отношения к одухотворенному, пронизанному смыслом и красотой миру. Осознавая его посланием Бога, Кублановский видит проявление тайны в самых привычных предметах и явлениях и стремится ее расшифровать.

Список литературы

Источники

Кублановский Ю.М. Избранное. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Эксмо, 2024. 336 с.

Кублановский Ю.М. Наваждение // Отчий край. 2023. № 2 (118). С. 14–18.

Кублановский Ю.М. Стихотворения: в 3 кн. Кн. 1: [Родная речь. С последним солнцем]. Москва: Русский путь, 2020. 360 с.

Исследования

Бугаев И.В. Научные и народные названия растений и грибов: научно-популярное издание. 2-е изд., перераб. и доп. Томск: ТМЛ-Пресс, 2010. 685 с.

Веселовский А.Н. Из поэтики розы // Веселовский А.Н. Избранные статьи. Ленинград: ГИХЛ, 1939. С. 130–143.

Гольский И.А. Символика флоры: сущность и формы переживания: дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2010. 162 с.

Горбовская С.Г. Флорообраз во французской литературе XIX века. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2017. 273 с.

Горбовская С.Г. Многолика бездна: формирование новой парадигмы образа растения во французской литературе XIX века. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2021. 344 с.

Кушлина О.Б. Страстоцвет, или Петербургские подоконники. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 336 с.

Полилова В.С. Поэтика гвоздики: слово и образ в русской поэзии от Тредиаковского до Бродского в контексте европейской традиции // Имагология и компаративистика. 2022. № 17. С. 7–36; № 18. С. 7–33; № 19. С. 7–25.

Разумовская А.Г. Растительный мир И. Бродского // Разумовская А.Г. И. Бродский: метафизика сада. Псков: Изд-во ПГПУ, 2005. С. 45–62.

Разумовская А.Г. «Символ тайный иных миров»: поэтический букет русских модернистов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Научный журнал. Сер. 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2023. № 3. С. 85–90.

Тресиддер Джек. Словарь символов. Москва: Фаир-Пресс, 2001. 278 с.

Шарафадина К.И. «Алфавит Флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи (источники, семантика, формы). Санкт-Петербург: Петербургский институт печати, 2003. 309 с.

Шарафадина К.И. «Селам, откройся!» Флоропоэтика в образном языке русской и зарубежной литературы. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. 544 с.

Шохина Е.В. Флористические мотивы в весенних текстах поэтов пушкинской поры // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 1. С. 1–6.

Шумаркина Д.И. Ракита, ива, ветла: маркеры русского пейзажа в поэзии Ю. Кублановского // Национальный ландшафт в зеркале литературы и языка: коллективная монография. Псков: Псковский государственный университет, 2025. С. 86–95.

Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. Москва: Высш. шк., 1990. 303 с.

References

Bugaev I.V. *Nauchnye i narodnye nazvaniia rastenii i gribov: nauchno-populiarnoe izdanie* [Scientific and Folk Names of Plants and Mushrooms: A Popular Science Edition], 2-e izd., pererab. i dop. Tomsk, TML-Press Publ., 2010, 685 p. (In Russ.)

Epshtein M.N. «*Priroda, mir, tainik vselennoi...*»: *Sistema peizazhnykh obrazov v russkoi poezii* [“Nature, the World, the Secret of the Universe...”: A System of Landscape Imagery in Russian Poetry: Popular Science]. Moscow, Vyssh. shk. Publ., 1990, 303 p. (In Russ.)

Gol'skii I.A. *Simvolika flory: sushchnost' i formy perezhivaniia* [Symbolism of Flora: Essence and Forms of Experience]: Diss... kand. filoz. nauk. Omsk, 2010, 162 p. (In Russ.)

Gorbovskaia S.G. *Floroobraz vo frantsuzskoi literature XIX veka* [The Floral Image in 19th Century French Literature]. Saint Petersburg, SPbGU Publ., 2017, 273 p. (In Russ.)

Gorbovskaia S.G. *Mnogolikaia bezdna: formirovanie novoi paradigmy obraza rasteniia vo frantsuzskoi literature XIX veka* [The Many-Faced Abyss: The Formation of a New Paradigm of the Plant Image in 19th Century French Literature]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2021, 344 p. (In Russ.)

Kushlina O.B. *Strastotsvet, ili Peterburgskie podokonniki* [Passionflower, or Petersburg Windowsills]. Saint Petersburg, Ivana Limbakha Publ., 2001, 336 p. (In Russ.)

Polilova V.S. *Poetika gvozdiki: slovo i obraz v russkoi poezii ot Trediakovskogo do Brodskogo v kontekste evropeiskoi traditsii* [The Poetics of the Carnation: Word and Image in Russian Poetry from Trediakovsky to Brodsky in the Context of the European Tradition]. *Imagologiya i komparativistika*, 2022, no. 17, pp. 7–36; no. 18, pp. 7–33; no. 19, pp. 7–25. (In Russ.)

Razumovskaya A.G. *Rastitel'nyi mir I. Brodskogo* [The Plant World of I. Brodsky]. Razumovskaya A.G. *I. Brodskii: metafizika sada* [I. Brodsky: The Metaphysics of the Garden]. Pskov, PGPU Publ., 2005, pp. 45–62. (In Russ.)

Razumovskaya A.G. «*Simvol tainyi inykh mirov*»: *poeticheskii bukiet russkikh modernistov* [“A Secret Symbol of Other Worlds”: The Poetic Bouquet of Russian Modernists]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizaina: nauch. zhurnal. Ser. 2: Iskusstvovedenie. Filologicheskie nauki* [Bulletin of the Saint Petersburg State University of Technology and Design. Scientific Journal. Ser. 2: Art History. Philological Sciences], 2023, no. 3, pp. 85–90.

Tresidder Dzh. *Slovar' simvolov* [The Dictionary of Symbols]. Moscow, Fair-Press Publ., 2001, 278 p. (In Russ.)

Sharafadina K.I. «*Azbukva Flory*» v obraznom iazyke literatury pushkinskoi epokhi (istochniki, semantika,

formy) ["The Alphabet of Flora" in the Figurative Language of the Literature of the Pushkin Era (Sources, Semantics, Forms)]. Saint Petersburg, Peterburgskii institut pechati Publ., 2003, 309 p. (In Russ.)

Sharafadina K.I. «SELAM, otkroisya!» *Floropoetika v obraznom iazyke russkoi i zarubezhnoi literatury* ["SELAM, Reveal Thyself!": Florapoetics in the Figurative Language of Russian and Foreign Literature]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2018, 544 p. (In Russ.)

Shokhina E.V. *Floristicheskie motivy v vesennikh teksakh poetov pushkinskoi pory* [Floristic Motifs in the Spring Texts of the Poets of the Pushkin Era]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Bryansk State University], 2017, no. 1, pp. 1–6. (In Russ.)

Shumarkina D.I. *Rakita, iva, vetla: markery russkogo peizazha v poezii Yu. Kublanovskogo* [Rakita, willow,

vetla: markers of the Russian landscape in the poetry of Yu. Kublanovsky]. *Natsionalnyi landschaft v zerkale literatury i iazyka: kollektivnaia monografiia* [National landscape in the mirror of literature and language: a collective monograph]. Pskov, Pskov State University Publ., 2025, pp. 86–95. (In Russ.)

Veselovskii A.N. *Iz poetiki rozy* [From the Poetics of the Rose]. Veselovskii A.N. *Izbrannye stat'i*. Leningrad, GIKhL Publ., 1939, pp. 130–143. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.11.2025; одобрена после рецензирования 17.11.2025; принята к публикации 25.12.2025.

The article was submitted 10.11.2025; approved after reviewing 17.11.2025; accepted for publication 25.12.2025.